

Иэрдань в изумлении обернулся — и увидел того, о ком дни и ночи грезил. Тот стоял с распущенными волосами, лицо искажено злобой, и уже занёс кнут, чтобы ударить его по лицу. Иэрдань в ужасе отпрянул, но удар всё же пришёлся по голени, оставив кровавую полосу. Красавец, не выпуская кнута, замахнулся снова. Иэрдань поспешно уворачивался, не понимая, в чём провинился, и в отчаянии выкрикнул:

— Яньчжи!

Красавец нанёс ему три удара подряд, и все три достигли цели. На четвёртый Иэрдань не выдержал, яростно схватил кнут и уставился на обидчика. Красавец ответил ему взглядом, полным ненависти, и тени прежнего страха в его больших чёрных глазах не осталось — лишь кровавые прожилки ярости.

Иэрдань не выдержал этого взгляда, сердце его растаяло, и он жалобно спросил:

— Яньчжи, за что ты меня бьёшь?

Вид его умоляющего лица вызывал у красавца тошноту — казалось, стоит лишь на миг отвлечься, и этот наглец тут же попытается его поцеловать, не стесняясь даже присутствия отца. С отвращением красавец пнул его ногой, заставив пошатнуться, швырнул книт и, фыркая, направился к спешившему шаньюю.

Шаньюй не посмел гневить своего маленького яньчжи, приказал слуге отвести того назад, а сам с нахмуренным лицом пошёл к Иэрданю.

Вернувшись в свою палатку, красавец уже не мог заснуть. Едва забрезжил рассвет, он поднялся и поехал кататься на своей подростшей кобыле. Хулэ, зевая, поплёлся следом, не успев позавтракать. Да и яньчжи, судя по всему, есть не собирался — настроение у него было скверное.

За два года жизни в степи у красавца испортился характер: в дурном расположении духа он мог и ударить. Хулэ, как ближайший слуга, хлебнул этого сполна. Он был слишком грузным, и один вид его угрюмой, обвисшей физиономии вызывал у красавца приступы ярости. Этот уродливый слуга был, пожалуй, безобразнее всех кочевников разом — да ещё и толстый!

Хулэ с утра снова получил свою порцию ударов, его тучное тело иссекли кнутом. Толстый юноша стоял, понуро опустив голову, в душе лелея мечту сломать красавцу руку.

Дрожащий слуга едва остановил красавца, отобрал кнут и начал уговаривать. Красавец же, уставленно глядя на серое небо, без сил спустился с небольшого травянистого холма.

Солнца не было, день выдался редкостно пасмурным. К полудню небо окончательно потемнело и пошёл дождь — сначала мелкий, затем всё сильнее. Все вымокли до нитки. Слуга, держа зонт, уговаривал красавца вернуться, но тот оттолкнул его и в изнеможении повалился на мокрую землю.

Дождь лил как из ведра. Слуга трясся от страха: если яньчжи простудится, десяти жизней не хватит, чтобы искупить вину перед шаньюем. А красавец, казалось, намеренно истязал себя. С тех пор как он узнал о предстоящей свадьбе ханьского императора, рассудок его помутился. Вот и сейчас он, похоже, жаждал утонуть в этом ливне.

Хулэ, переваливаясь на своих тучных ногах, сердито спустился с холма, подошёл к красавцу и, невзирая на протесты слуги, поднял того на руки. Красавец был уже в полузабытьи. Увидев,

что ненавистный чёрный поросёнок без труда несёт его обратно, он закричал:

— Пусти!

Чёрный поросёнок и ухом не повёл. Побои его не пугали. Он швырнул красавца на спину лошади и повёл её домой. Вся свита потянулась за Хулэ. Сколько красавец ни бушевал — всё было тщетно.

Когда промокшая до нитки процессия вернулась в царский двор, шаньюй, как и ожидалось, пришёл в ярость. Хулэ, стоя на одном колене, мрачно просил прощения.

Красавца шаньюй прижал к груди, тут же снял с себя верхнюю одежду и укутал его. Яньчжи чихал и впервые сказал шаньюю что-то похожее на доброе слово:

— Я заблудился... Это Хулэ вывел меня.

Шаньюй не стал допытываться дальше. Подхватив красавца, он понёс его в палатку, сердце его обливалось кровью от жалости.

Третий принц, дождавшись, пока отец удалится, с интересом посмотрел на пухлого Хулэ, тайком подозвал того к себе в шатёр и принялся выспрашивать о предпочтениях яньчжи. Хулэ, набив рот жареной бараньей ногой и запивая горячим чаем с молоком, хранил молчание.

Красавец простудился: сидел на постели, сморкался и дрожал. Слуга приготовил ему отвар, но красавец, с лицом, пылающим от жара, продолжал истязать себя, отказываясь пить.

Слуга был в отчаянии: его господин был головной болью — капризен невыносимо. Казалось, никто, кроме ханьского императора, не мог его успокоить. Красавец велел подать ему шкатулку с ароматическими пилюлями. Пока он болел, лежа в постели, применять их было недосуг. Слуга послушно принёс шкатулку. Красавец, увидев, что в изящной сандаловой коробочке осталось всего несколько пилюль, застыл в оцепенении.

Перед отъездом он пересчитывал пилюли — их было ровно тридцать шесть. Ханьский император обещал ему, что непременно заберёт его в течение трёх лет. И вот вместо этого — весть о его свадьбе. Слезы катились по щекам красавца. Он взял одну пилюлю и, рыдая, нанёс её на свой пупок. В этот момент вошёл шаньюй, увидел сцену, и благоухание, наполнившее шатёр, поразило его — тот же аромат, что всегда исходил от яньчжи.

Взволнованный, шаньюй подошёл, обнял свою прекрасную яньчжи и, глядя на его белоснежный живот, спросил:

— Яньчжи, что это ты наносишь? Отчего так благоухает?

Красавец молчал, угрюмо сидя на постели. Шаньюй поцеловал его пальцы, прильнул лицом к животу, вдыхая аромат и осыпая поцелуями — словно жаждал обнаружить там дитя. Красавец хрипло спросил:

— Владыка, когда ты отправишься в Лоян?

Шаньюй улыбнулся:

— Я не поеду. Поедет Иэрдань.

Глаза красавца на мгновение покраснели от горя.

— Почему же владыка не едет? — допытывался он.

Шаньюй, с нежностью целуя его веки, всё понял: его яньчжи отчаянно хочет вернуться в Лоян. Красавец, потеряв над собой контроль, обвинил шаньюя руками и зарыдал, умоляя:

— Владыка, поезжай в Лоян, прошу тебя... У-у-у...

Он так жаждал вернуться! Больше двух лет в разлуке с ханьским дворцом — это был предел его терпения. Он желал этого всем существом.

Всю ночь шаньюй утешал его. Красавец проплакал до рассвета. Он снова заболел — едва оправившийся организм вновь охватил жар, и шаньюй был на грани отчаяния.

На следующий день, едва шаньюй удалился, красавец — неизвестно, откуда проведая — узнал, что Иэрдань скоро отправляется в путь, вероятно, уже завтра на рассвете. Превозмогая недуг, он поднялся с постели, невзирая на уговоры слуги, надел хучжуан, нахлобучил шапку из лисьего меха и улизнул. Вскочив на белую кобылу, он приказал слуге передать Иэрданю, чтобы тот явился к нему. Слуга не осмелился — если шаньюй прознает, ему не сносить головы. Красавец, злобно сжимая бока лошади, принялся кружить по лугу. Увидев молчаливо следующего за ним Хулэ, он громко крикнул:

— Хулэ, подойди сюда!

Хулэ неохотно подъехал и, завидев в его руке плеть, съёжился — боялся, что яньчжи снова возьмётся за своё. Красавец, ткнув плетью в его сторону, приказал:

— Ступай, позови ко мне Иэрданя! Если кто-нибудь проведает — больше ни крошки во рту не увидишь!

Хулэ бросил на яньчжи полный ненависти взгляд, сжал бока лошади и, не проронив ни слова, развернул её, чтобы ехать за Иэрданем.

Иэрдань явился почти мгновенно — едва услышав весть, помчался во весь опор, оставив Хулэ далеко позади.

Красавец стоял на коне на небольшом травянистом холме, печально глядя на южное солнце. Степь расстилалась до самого горизонта, и сколько ни вглядывайся — родных деревень не разглядеть. Иэрдань тихо подъехал к нему, сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Лишь поравнявшись, он осмелился окликнуть:

— Яньчжи.

Красавец оглянулся на него — и вдруг пришпорил коня. Иэрдань немедленно помчался следом, на ходу спрашивая:

— Яньчжи, зачем ты меня позвал?

Красавец не отвечал, продолжая скакать вдаль. Позади Хулэ, едва успев догнать Иэрданя и не успев перевести дух, увидел, что яньчжи снова ускакал. В ярости он спрыгнул с коня. Его лошадь, измученная его тучностью и долгой скачкой, больше не могла двигаться.

Хулэ, тяжело дыша, повёл коня в сторону, куда умчался яньчжи. Слуга же, не смея последовать за ним, остался на месте — караулить.

<http://bllate.org/book/16253/1461974>